

Н. В. Карушкина

Обыски у бывших членов Императорского дома в Крыму в апреле 1917 г.

После Февральской революции 1917 г. в крымских имениях оказались двадцать из шестидесяти пяти членов Императорского дома Романовых¹, почти треть. Это вдовствующая императрица, вдова Александра III, Мария Федоровна, ее дочери (сестры Николая II) великие княгини Ксения Александровна и Ольга Александровна. Тут же находились двоюродные дяди Николая II с семьями — великий князь Николай Николаевич с женой, великой княгиней Анастасией Николаевной, а также великий князь Петр Николаевич, его жена, великая княгиня Милица Николаевна, и их дети: князь императорской крови Роман Петрович и княжны императорской крови Марина Петровна и Надежда Петровна. Великим князем по рождению и мужем Ксении Александровны являлся Александр Михайлович. Их дети с Ксенией также входили в число членов императорской фамилии: княжна императорской крови Ирина (с 1914 г. жена Феликса Юсупова), князя императорской крови Андрей, Федор, Никита, Дмитрий, Ростислав, Василий. В Крыму пребывали также дети великой княгини Анастасии Николаевны от первого брака с герцогом Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским — Сергей Георгиевич и Елена Георгиевна. Они носили одновременно титул герцога и герцогини Лейхтенбергских и княжескую фамилию Романовские. Волею судьбы и обстоятельств эта часть Императорского дома, которую историки называют иногда «крымской группой Романовых», полностью спаслась, отправившись в 1919 г. в эмиграцию. Тогда как в Перми, Екатеринбурге, Алапаевске и Петрограде в 1918–1919 гг. были казнены семнадцать представителей

**Карушкина
Наталья Викторовна**
независимый
исследователь
(Санкт-Петербург,
Россия)

Императорского дома. Предметом настоящей статьи является реконструкция событий, связанных с обыском «крымской группы Романовых» в апреле 1917 г., как по опубликованным источникам, так и по впервые вводимым в научный оборот документам, отложившимся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГАВМФ).

Отречение Николая II произошло 2 марта 1917 г. (все даты в статье даются по старому стилю). Уже 18 марта² на Крымский полуостров прибыли после отставки великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич со своими семьями. Николай Николаевич разместился в имении Чаир, подаренном им супруге перед свадьбой; семейной резиденцией Петра Николаевича был дворец Дюльбер.

Через неделю, 25 марта, из Киева в Крым приехали³ вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович, великая княгиня Ольга Александровна, а также ее второй муж Н. А. Куликовский⁴. Местом проживания они избрали имение Александра Михайловича и Ксении Александровны Ай-Тодор.

Еще через несколько дней до Ай-Тодора добрались также Ксения Александровна⁵ с сыновьями Андреем, Федором и Никитой и дочерью Ириной (по пути к ним присоединился муж Ирины — Феликс Юсупов)⁶. Младшие дети Ксении и Александра Михайловича — Дмитрий, Ростислав и Василий — уже находились в Ай-Тодоре вместе со своими учителями и воспитателями⁷.

Все великокняжеские имения Романовых были их традиционными крымскими резиденциями и находились на расстоянии нескольких километров друг от друга, в непосредственной близости от Ялты и бывшего царского владения Ливадия, в которое так хотел перебраться из своего заточения в Царском Селе бывший император Николай II с семьей.

Первое упоминание об интересе новых властей в Петрограде к «крымским Романовым» обнаруживается 15 апреля. В этот день в журнале заседаний Временного правительства появляется запись: «[Принято к сведению] заявление Временного комитета Государственной думы об организации охраны Ай-Тодора и об оставлении в распоряжении вдовствующей императрицы Марии Федоровны автомобиля бывшего придворного ведомства, вместе с шофером и его помощником»⁸.

17 апреля 1917 г. Временное правительство отправляет в Крым секретную телеграмму № 4689:

Наморси⁹. Севастополь.

Предлагаем при охране бывшей царской семьи, по соглашению с местным комиссаром Временного правительства, в исполнение чего сменить коменданта расположенных вокруг Ялты войсковых частей. По возможности сосредоточить членов семьи в одном или двух имениях, усилив военную охрану, сформировав по соглашению с комитетом Совета офицерских, матросских и солдатских депутатов особую часть. Воспретить посещение лиц фамилии военнослужащим с фронтов. Отпускаются временно для нужд обороны моторные экипажи. И установить контроль переписки. Организацию надлежит, если найдете возможным, поручить председателю исполнительного комитета подполковнику Верховскому¹⁰. Всех военнопленных и лиц иностранного происхождения необходимо изъять из штата

служащих при семье, разработав план приведения внезапно. Об исполнении благоволите сообщить немедленно.

*Князь Львов, Керенский*¹¹

В этот же день, 17 апреля, на заседании Севастопольского Совета поднимается вопрос «о необходимости срочно выехать в секретную командировку подполковнику Верховскому, Сафонову. Постановили: поездку утвердить»¹².

Кто же такой подполковник Верховский? Почему именно на его кандидатуре сходятся петроградские и севастопольские власти? Александр Иванович Верховский (1886–1938) — активный участник политических событий в России между Февралем и Октябрем. Важную роль в судьбе Верховского сыграла нашумевшая история его увольнения из Пажеского корпуса во время Русской революции 1905 г.¹³ Камер-паж самого императора Николая II за осуждение Кровавого воскресенья был отправлен на действующий фронт в Маньчжурию рядовым. Несмотря на такое скандальное начало военной карьеры, Верховский стал в дальнейшем достойным боевым офицером, георгиевским кавалером, окончил Николаевскую академию Генерального штаба.

Февральскую революцию он встретил в Севастополе в должности начальника штаба Черноморской дивизии, формировавшейся для десантной операции на Босфоре. А. И. Верховский стал одним из офицеров Черноморского флота, полностью принявших новую революционную действительность. Он сыграл активную роль в первом составе Севастопольского Совета, который вместе со штабом командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака в первые месяцы после Февраля смог удержать южную морскую столицу от бесчинств и убийств, подобных тем, которые происходили в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе. В Крыму Верховский разработал «Положение об организации чинов флота, Севастопольского гарнизона и работающих на государственную оборону рабочих», внедренное в качестве меры, предотвращающей развал армии. Во второй половине марта он выехал в Петроград, где его «Положение» стало основой для общероссийского «Временного положения об организации чинов армии и флота», утвержденного приказом № 51 от 30 марта. Оба этих положения преследовали цель прекратить анархию в действующей армии и в военных вопросах опираться на советы (или комитеты) и армейские структуры одновременно. В столице инициативного офицера благосклонно приняли в Петросовете, с ним встречались также деятели Временного правительства и Государственной думы. В глазах постфевральской власти Верховский являлся человеком, которому можно было доверить столь щепетильную миссию, как инспекция членов бывшей царской семьи в Крыму.

В дальнейшие несколько месяцев он совершает головокружительную карьеру, став в сентябре — октябре 1917 г. последним военным министром Российской империи¹⁴. Октябрьскую революцию Верховский принял не сразу, был членом подпольной антибольшевистской организации¹⁵, но с конца 1918 г. перешел на сторону Красной армии. В 1938 г. был расстрелян после многократных арестов.

О деятельности Верховского в 1917 г. дают представление две книги. Первая, «Россия на Голгофе», — это переработанные походные записи автора, которые он вел в течение Первой мировой войны. Они были изданы в 1918 г. при содействии М. Горького¹⁶. В них по каким-то причинам ни слова не говорится об обысках в южнобережных царских имениях. В основу второй книги положен биографический роман Верховского «На трудном перевале», написанный им в 1935–1937 гг., перед последним арестом, и переданный в редакцию Воениздата. В 1959 г., после реабилитации Верховского (1956 г.), его сын Николай издал эту книгу, правда, по требованию Воениздата, в виде мемуаров, отредактировав и сократив. Оригинальная рукопись, к сожалению, утрачена¹⁷. Но даже в отредактированном варианте сохранился фрагмент, посвященный обыскам у «крымских Романовых».

В воспоминаниях Верховского изложена следующая версия причин произошедших обысков. Активисты Севастопольского Совета Конторович, солдат Сапронов, рабочий Васильев и матрос Гаркушенко рассказали Верховскому, что в Петроград — в Петроградский Совет и Временное правительство — за неделю до 17 апреля из Севастополя была послана делегация с запросом о членах бывшей царской семьи, находящихся в Крыму. Причем офицеры, даже члены Совета, как отмечает Верховский, об этой инициативе ничего не знали. Между тем «на кораблях и в казармах шло брожение. Массы негодовали и не могли понять, почему рядом с революционным Севастополем на берегу Крыма продолжали жить в своих дворцах великие князья. Мало того, они устраивали заговоры против народной свободы. Распространился слух о таинственном черном автомобиле, разъезжающем по ночам; говорили, что во дворцах существуют какие-то секретные комнаты...»¹⁸ Рабочий Васильев высказывал гипотезу о заговоре по восстановлению монархической власти: «До нас дошли сведения, что бывший великий князь и главнокомандующий Николай Николаевич собирает к себе с фронта офицеров; их в Ялте набралось до черта. По ночам устраивают заседания, установили в доме предводителя дворянства Попова радиотелеграф, свезли оружие, не сегодня-завтра выступят для восстановления царской власти. Надо туда послать войска побольше и прекратить все это»¹⁹. Продолжая тему поездки делегации в Петроград, солдат Сапронов сказал Верховскому: «Сегодня товарищи, ездившие в столицу, привезли ответ: нам приказано произвести обыски в имениях и арестовать членов бывшей царской фамилии. Исполнение этой операции возложено на Вас.»²⁰.

В журнале исходящих телефонограмм штаба командующего Черноморским флотом есть две записи от 18 апреля 1917 г. о вызове в штаб участников экспедиции: 1) в 17:10 на штабной корабль «Георгий Победоносец» вызывают Верховского²¹; 2) в 17:35 последовал вызов Сафонова²², председателя Севастопольского Совета²³.

В тот же день и. о. командующего Черноморским флотом контр-адмирал В. К. Лукин (командующий, адмирал А. В. Колчак, был вызван в Петроград и в псковскую Ставку военным и морским министром Временного правительства А. И. Гучковым для доклада о положении на Черноморском флоте) отдает официальное распоряжение (№ 5771) подполковнику Верховскому:

Срочно. Секретно. Подполковнику Верховскому.

По приказанию Временного правительства предлагаю Вам отправиться в город Ялту с членами Севастопольского центрального комитета делегатов армии, флота и рабочих и по соглашению с местным правительственным комиссаром принять мероприятия для обеспечения Южного берега Крыма от контрреволюционных попыток и контрреволюционной пропаганды. Копию телеграммы Временного правительства от 17 апреля с. г. № 4689 при сем прилагаю для исполнения.

Контр-адмирал *Лукин*. И. о. начальника Штаба капитан I ранга *Смирнов*²⁴

При этом контр-адмирал наставляет Верховского: «Я надеюсь, что Вы используете весь Ваш авторитет среди солдат и матросов для того, чтобы гарантировать бывшего главнокомандующего от эксцессов»²⁵.

Важно отметить, что текст телеграммы № 4689 Временного правительства и текст распоряжения № 5771 публикуются в оригинале впервые, ранее они цитировались только в двойном переводе. История двойного перевода следующая. Копии обоих документов, сделанные в имении Чаир во время обыска, сохранились в семейном архиве Романовых в эмиграции. Сын великого князя Петра Николаевича Роман Петрович цитирует их в своей книге воспоминаний, изданной в переводе на датский язык²⁶. На русском языке эти воспоминания до сих пор не опубликованы, существует еще немецкий перевод с датского издания²⁷. Тексты телеграммы и распоряжения, которые стали основанием для обыска в крымских великокняжеских имениях, перевела с датского на русский известная исследовательница Ю. В. Кудрина и использовала их в книге «Мария Федоровна», опубликованной в серии «Жизнь замечательных людей»²⁸. Из-за двойного перевода в текстах появились неточности. Например, у Кудриной указано, что Временное правительство возложило дальнейшее наблюдение за царской семьей на Верховского, тогда как в телеграмме содержится лишь просьба поручить Верховскому организацию мероприятий по улучшению охраны «крымских Романовых».

Подготовка секретной экспедиции в Ялту заняла у севастопольцев несколько дней. 22 апреля в 17:55 начштаба Черноморского флота телефонограммой вызывает Верховского на штабной корабль «Георгий Победоносец»²⁹. Можно предположить, что 23 апреля в штабе командующего Черноморским флотом состоялось совещание, на котором обсуждались детали мероприятия. В 10:10 23 апреля на «Георгий Победоносец» вызван Сафонов³⁰, в 10:45 последовала телефонограмма о вызове «начальника дивизии генерала Пожарского, всех командиров полков дивизии, находящихся в Севастополе, начальника артиллерийского дивизиона полковника Иванова и подполковника Верховского»³¹.

В протоколах ЦИК Севастопольского Совета зафиксировано решение от 24 апреля назначить в «секретную комиссию» шестерых из восьми членов президиума ЦИК, избранных в этот же день чуть ранее. Это К. В. Сафонов, Н. Л. Конторович, Р. Р. Левговд, матрос Гаркушенко, Кисеев и рабочий Васильев³².

25 апреля штаб командующего Черноморским флотом запрашивает в Каче, расположенной недалеко от Севастополя, автомобили, предположительно также для экспедиции: «Дежурному по авиационной школе на Каче. Послать все имеющиеся автомобили. Дежурный флаг-офицер»³³.

Отдельным является вопрос участия, вернее неучастия, командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака в организации обысков в царских имениях на Южном берегу Крыма. Ни в одном из документальных источников, включая протоколы допросов Колчака в 1920 г.³⁴, в которых он подробнейшим образом излагает события в Севастополе весной 1917 г., не упоминается участие адмирала в судьбе Романовых в Крыму или его отношение к этим событиям. Позже, в мае, он подпишет приказ о расследовании по факту обысков³⁵. Но этим и ограничится.

Организация экспедиции на Южный берег происходит в те дни, когда Колчак находится в Петрограде. В Севастополь он возвращается только 24 апреля³⁶, тогда как обыск царских имений назначен на 26 апреля.

Нет никаких данных, что Колчак по возвращении интересуется экспедицией или как-то корректирует ее план. Наверняка он в курсе, слишком уж резонансное это событие, кроме того, в нем участвует большое количество военных моряков, однако командующий флотом занят выполнением других задач. 25 апреля будущий Верховный правитель России и один из главных деятелей Белого движения адмирал Александр Васильевич Колчак пытается убедить Черноморский флот продолжить войну. В этот день он выступает в двух местах: на офицерском собрании и на делегатском собрании Севастопольского Совета в здании цирка Труцци. Командующий честно описывает положение в Петрограде и на фронте и призывает восстанавливать дисциплину и продолжать военные действия. Делегатское собрание поддерживает своего адмирала: «По окончании его речи собрание аплодирует ему, и Колчак покидает собрание; выйдя на арену цирка, присутствующие берут его на руки и несут»³⁷. Именно вопрос продолжения войны более всего волнует сейчас Колчака, а вовсе не судьба родственников бывшего царя.

Количество членов экспедиции на Южный берег составляло несколько сотен человек. А. И. Верховский отмечает, что запросил у контр-адмирала Лукина «до 1500 человек»³⁸. Известные исследователи Романовых в Крыму Н. Н. Калинин и М. А. Земляниченко пишут, что на кораблях, прибывших в Ялту, было 250 членов команды и «столько же матросов черноморского дивизиона»³⁹.

Есть некоторые данные о персональном составе группы. Из шести представителей ЦИК Севастопольского Совета, которые были назначены 24 апреля, в поездку точно не отправился Н. Л. Конторович⁴⁰. Из документов Севастопольского Совета явствует, что он председательствовал на заседании 26 апреля⁴¹, в то время, когда под Ялтой проходили обыски. По воспоминаниям Верховского, из офицеров в экспедиции участвовали лейтенант Р. Р. Левговд⁴², лейтенант Е. В. Ромушкевич⁴³, прапорщик В. М. Жоржوليани⁴⁴. А. И. Верховский также указывает, что в самый важный пункт — имение Чаир, где проживал бывший Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, были откомандированы сам Верховский, рабочий Мигачев и солдат Сапронов⁴⁵. К бывшей императрице Марии Федоровне и ее дочерям отправились лейтенант Левговд, рабочий Васильев и солдат Асосков⁴⁶. Итоговые протоколы обысков подписаны участниками в измененном составе (см. далее).

Севастопольская экспедиция искала контрреволюционеров не только во владениях императорской семьи. Обыск был произведен также в ялтинском имении Г. И. Ностица⁴⁷. В нем участвовали член Севастопольского центрального военно-исполнительного комитета матрос Алексей Евсеев, контрразведчик Александр Иосифович Якубовский и ялтинский милиционер Федор Ефимович Самойленко⁴⁸. Из мемуаров П. Н. Врангеля известно, что в тот же день сева-стопольцы были у его жены Ольги Михайловны, проживавшей тогда в Ялте: «У нее отобрали мои письма, в которых, конечно, ничего найти не могли⁴⁹». Еще несколько лиц, к которым также нагрянули 26 апреля революционные матросы, упомянуты в черновике телеграммы Керенскому (ее текст приведен далее).

Вечером 25 апреля экспедиция выдвинулась из Севастополя на Южный берег Крыма. Руководство отправилось к месту назначения на автомобилях. Верховский упоминает, что с ним вместе в машине ехали Сапронов и Мигачев.

Сохранился отрывок черновой записки⁵⁰, в которой неизвестный хро-никер описывает начало экспедиции. Согласно этому описанию, транспортные корабли «Дакия» и «Король Карл» прибыли к Ялтинскому молу около 1 часа ночи. По прибытии разделились на группы («партии») «для производства обысков во всех пунктах». В состав каждой группы входили: офицер, солдат, матрос, рабочий, агент контрразведки и «женщина на случай обыска в спальне женщин». К царским имениям группы шли пешком ночным маршем. В 5:30 утра имение Чаир было окружено. «Никто не стал ускользать. <...> Кроме нескольких лиц прислуги все спали. Никакого сопротивления оказано не было. Во всех комнатах были поставлены часовые. Николай Николаевич и Анастасия Нико-лаевна на стук в дверь, что прибыли лица по поручению Временного прави-тельства, немедленно оделись и вышли...» Великий князь Николай Николаевич не протестовал против обыска и вел себя максимально спокойно и достойно: «Николай Николаевич, поднятый с постели, не удивился. Он заявил, что подчи-няется приказу Временного правительства»⁵¹. Прибывшие сообщили Николаю Николаевичу, что «пребывание здесь членов бывшей царской семьи возбу-ждает целый ряд тревожащих население слухов о грядущем бунте». Обыск был тщательным — выстукивали пустоты в столах, обыскивали подвалы и чердаки.

Два протокола, составленных в имении Чаир, приведем здесь целиком.

Протокол [1]

1917 года 26 апреля мы, члены Севастопольского центрального военно-исполнительного комитета: председатель Сафонов, товарищ его подполковник Верховский и член Мигачев по предписанию Временного правительства явились в имение Анастасии Николаевны Романовой, расположенное в м. Чаир[,] и произвели обыск во всем помещении, занимаемом Романовой, причем оказалось, что вместе с ней проживает ее муж Николай Николаевич Романов и две комнаты занимает Степан⁵² Владиславович Тышкевич — корнет лейб-гвардии Конного полка. Во всем занимаемом ими помещении при тщательном осмотре такового ничего преступного не обнаружено, но отобрано для просмотра в комнатах Романовых: стол Николая Романова: 1 записная книжка, 10 писем, 1 записка и 1 черновая телеграмма; в письменном столе Анастасии Николаевны Романовой: 1 дело с документами ее мужа, 1 конверт с фотографиями, относящимися к сдаче Перемышля, 7 деловых бумаг, сводка приветственных телеграмм, 25 писем; в столе корнета Тышкевича: 1 записная книжка, 27 писем, 7 визитных карточек, 9 записок. Протокол нам прочитан и записан верно.

[Подписи]

Анастасия Николаевна Романова

Николай Николаевич Романов

Корнет граф Тышкевич

Подполковник Верховский

Председатель <нрзб 1 сл.> К. Сафонов

В. Мигачев

Поняты: *Изотов, М. Дугомилов*⁵³

Протокол [2]

1917 года апреля 26-го дня мы, члены Центрального Военно-исполнительного комитета: председатель Сафонов, товарищ его подполковник Верховский и член Мигачев по предписанию Временного правительства явились в имение Анастасии Николаевны Романовой и произвели обыск во флигеле, занимаемом князем Сергеем Георгиевичем Романовским, причем отобран один кожаный портфель, куда сложены все документы и корреспонденция. Протокол мне прочитан и записан верно.

[Подписи]

Сергей Георгиевич Романовский

Подполковник Верховский

Поняты: *Лука Корнилов, <нрзб 2 сл.>*⁵⁴

В имении Чаир был также произведен обыск в отношении супружеской четы Орловых, сын которых Николай⁵⁵ за две недели до этого, 12 апреля, заключил брак с дочерью великого князя Петра Николаевича Надеждой. У В. Н. Орлова⁵⁶ участники операции изъяли «для просмотра» частную переписку на иностранных и русском языках. У О. К. Орловой были изъяты одно письмо и записка⁵⁷. Проверяли и Артемия Константиновича Болдырева⁵⁸, секретаря великой княгини Анастасии Николаевны. У него наряду с частной корреспонденцией забрали «заметки для книги о кавказских клинках»⁵⁹.

Роман Петрович Романов вспоминал, что при обыске в Чаире были изъяты также револьверы и охотничье оружие, у Болдырева — тетрадь с личными стихами. А вот чемодан Николая Николаевича с документами и заметками, «которые могли иметь политическое и военно-историческое значение», Верховский при обыске не заметил⁶⁰. В мемуарах Верховского уточняется, что из оружия в имении Чаир были изъяты «несколько ружей разных систем, привезенных с войны, коллекции кавказского оружия»⁶¹.

Протоколы, составленные в имении Дюльбер, в архиве отсутствуют. Сведения об обыске во владениях Петра Николаевича содержатся лишь в мемуарах Романа Петровича. Обыску были подвергнуты великий князь Петр Николаевич, великая княгиня Милица Николаевна, сам Роман и его сестра Марина, а также прислуга. Матрос с винтовкой стоял у кровати Романа, пока человек в штатской одежде и с красной повязкой на рукаве обыскивал комнаты. У Романа Петровича забрали письма, документы, дневниковые записи, у великого князя — документы и письма, у Милицы Николаевны — заметки с названиями растений и компаний, в том числе французских и немецких, у которых великая княгиня планировала заказывать саженцы. У Марины Петровны изъяли письма

и Евангелие. Револьверы и охотничье оружие были конфискованы. После ухода матросов обитатели дворца обнаружили, что у одной из горничных пропало кольцо, а также исчезла дюжина серебряных вилок из столового сервиза⁶².

Протокол обыска в имении Ай-Тодор, подписанный Романовыми (без упоминания прежних титулов), в архиве сохранился.

Акт

Апреля 26-го дня 1917 г. в 5 час[ов] во исполнение веления Временного правительства (телеграмма № 4689) и приказа командующего Черноморским флотом на имя подполковника А. Верховского от 18 апреля 1917 г. за № 5771 был произведен обыск в имении Ай-Тодор, с выемкой документов.

Обыск произведен в следующем порядке: у Марии Федоровны Романовой, Ксении Александровны Романовой, Ольги Александровны Куликовской, потом в доме, занятом Александром Михайловичем Романовым и, наконец, в отдаленных домах, занятых управляющим и службами.

Обыск производили лейт[енант] Р. Левговд, солдат В. Зайцев и рабочий Ляшко. Все бумаги и переписка были изъяты, конфисковано 24 винтовки разных систем и патроны к ним. Для контроля за лицами, посещающими имение Ай-Тодор, на первое время оставлен караул в числе четырнадцать человек.

[Подписи]

Мария Ф. Романова

Александр Михайлович Романов

Ксения Александровна Романова

Ольга Александровна Куликовская

Николай Андреевич Сумин

Алексей Петрович Романинов (?)

Лейтенант флота Роман Левговд

Солдат Василий Зайцев

*Н. Ляшко*⁶³

Об обыске в Ай-Тодоре сохранилось множество свидетельств в мемуарах, дневниках и письмах. Крайне эмоциональные и подробные описания этого дня оставила сама Мария Федоровна в дневниковой записи от 26 апреля⁶⁴ и письмах к родственникам⁶⁵. Из текстов Марии Федоровны можно понять, что ее разбудил лейтенант Р. Р. Левговд. В письме к греческой королеве Ольге Константиновне Мария Федоровна повествует: «Он поставил часового у моей постели и приказал мне вставать. Когда же я отказалась сделать это в его присутствии, он вызвал какую-то отвратительную юную особу, которая на время сменила часового. Я была вне себя от ярости, ведь даже на горшок сходить не могла, и времени у меня хватило только на то, чтобы набросить шлафрок и скрыться за ширмой, дабы не показываться на людях в этом моем легком одеянии и с замечательной ночной прической»⁶⁶. Даму, прибывшую для обыска с военными, Мария Федоровна охарактеризовала как «молодую отвратительную особу в шляпке на шнурке и в коротком платье»⁶⁷. После того, как бывшая императрица спряталась за ширму, «эта дрянь начала срывать с постели все белье, простыни вместе с подушками и матрацем на пол»⁶⁸. Следом в покои императрицы вошли часовой, двое рабочих и 10–12 матросов и начали

обыск. Р. Р. Левговд сидел за столом Марии Федоровны и просматривал бумаги. Все подозрительное складывалось в большой мешок. Только спальню обыскивали три часа. Потом прибывшие перешли в гостиную. Мария Федоровна пишет, что среди бумаг были дорогие ее сердцу реликвии — старые письма от давно почивших мужа императора Александра III и сына Георгия, фотографии. Кроме того изъяли икону и Евангелие на датском языке, подаренное ей матерью и привезенное в Россию перед замужеством, три тетради дневников⁶⁹. Обыск у Марии Федоровны длился с 5:30 до 10 утра. Все это время матросы «с красными бантами и цветками в петлицах»⁷⁰ заходили в спальню и заглядывали за ширму. Поскольку у слуг также шел обыск, до 12 часов дня Мария Федоровна не могла даже выпить кофе. В 12 часов к ней пришла дочь Ольга с мужем и с кем-то из сыновей Ксении Александровны, позже пришла Ксения. Только в 17:30 матросы покинули Ай-Тодор. Мария Федоровна была более возмущена произошедшим, чем напугана. Александр Верховский писал: «...старуха императрица проявила недостаток выдержки и резко обошлась с матросами»⁷¹.

Лейб-казак Тимофей Ящик, личный телохранитель императрицы, вспоминал, как матросы не дали ему защитить Марию Федоровну: «Я вскочил с кровати, чтобы идти к императрице, которая спала в соседней комнате. Но еще до того как я схватил свою шашку и револьвер, дверь в мою комнату распахнулась, и в тот же миг ко мне ввалилась группа матросов. Они были вооружены до зубов, и в придачу у них с собой были еще топоры и молотки. Очевидно, они думали, что им придется прорубать себе дорогу во дворец. Я потянулся за моим револьвером, но отлично знал, что мне не придется им воспользоваться. Сопротивление могло только ухудшить ситуацию. Один из офицеров подошел ко мне и потребовал отдать мой револьвер, и он его получил. Он также попросил шашку и кинжал, но я объяснил ему, что это мои личные вещи, и он разрешил мне оставить их у себя»⁷². Позже Ящик попросил вернуть ему оружие, объяснив, что он приставлен к Марии Федоровне для охраны, и, на удивление, матросы оставили ему револьвер. Он отметил, что прибывшие пешком военные были голодны, и «все съедобное из кухни исчезло»⁷³.

Александр Михайлович в своих мемуарах рассказывал, что при входе в комнату один из матросов приставил револьвер к его виску. Согласно Верховскому, человеком, который взял на мушку великого князя, был не матрос, а солдат Асосков: «Бывший великий князь Александр Михайлович пытался протестовать. Тогда Асосков вытащил револьвер из кобуры и направил его на болтавшего всякий вздор человека в адмиральской форме. Это была единственная попытка сопротивления»⁷⁴. По сведениям великого князя, в доме одновременно находилось пятьдесят вооруженных людей, на лужайке во дворе стояло три грузовика с солдатами и пулеметами. Среди изъятой у него переписки были письма английских родственников, письма на французском, довоенная переписка с Николаем II⁷⁵.

Феликс Юсупов в своих воспоминаниях писал, что изъятое в Ай-Тодоре оружие — это была «дюжина старых винчестеров, хранившихся прежде на яхте, о которых тесть мой и думать забыл»⁷⁶.

В основном члены севастопольской экспедиции честно выполняли поручение штаба Черноморского флота — искали «контрреволюционные» улики. Но и в Ай-Тодоре не обошлось без грабежа. У великой княгини Ксении Александровны было украдено рубиновое кольцо⁷⁷, подаренное ей мужем на рождение старшего сына, а также брошь⁷⁸. При этом у Марии Федоровны при себе была шкатулка с очень дорогостоящими династическими украшениями, но на крупную кражу матросы не решились.

Обыск в свитском доме, продолжавшийся с самого утра до 11:30, описала графиня Менгден. Каждую дверь охранял матрос, вооруженный винтовкой со штыком. Наряду с царскими служащими обыску были подвергнуты австрийские военнопленные, работавшие в саду. Кроме матросов осмотр вели штатские в черных рубашках. У Зинаиды Менгден обнаружили пистолет и драгоценности, но ничего не изъяли. Другим обитателям дома, по ее словам, повезло меньше — у них были изъяты ценные вещи, а у австрийских военнопленных «отняли самое дорогое, что у тех было, — почтовые открытки из дома»⁷⁹.

Руководитель экспедиции, подполковник Верховский, по первым результатам обысков понял, что никакого заговора в великокняжеских имениях и в Ялте не готовится: «Везде картина была примерно одинаковая; сведения о заговоре не подтвердились. Быть может, тогда не умели искать... “Таинственный автомобиль” оказался обычной прогулочной машиной. “Таинственная комната” — фотографической лабораторией. “Радиостанция” в имении предводителя дворянства — домашним кинематографом»⁸⁰.

В обысках наряду с севастопольцами принимали участие также ялтинский уездный комиссар Временного правительства Г. Приселков⁸¹ и несколько представителей контрразведки. Об этом упоминается в черновике телеграммы А. Ф. Керенскому, которая была подготовлена по результатам операции:

Министру юстиции Керенскому.

По телеграмме Вашей 4689 командующий флотом поручил подполковнику Верховскому предписанием за № 5771 и Севастопольскому центральному комитету Совета армии, флота и рабочих принять меры для предотвращения возможной контрреволюционной пропаганды; о ней можно было предполагать по целому ряду слухов и показаний, сосредотачивавшихся у специально командированного члена центрального комитета, — о ночных собраниях, посылке доверенных лиц на фронты, переписке, радиостанциях, таинственных автомобилях, курсирующих в определенное время по ночам. Для проверки полученного материала, установления точного положения дела и успокоения встревоженного народного мнения специально назначенные члены центрального комитета подполковник Верховский и комиссар Ялты Приселков приняли план внезапного обыска всех лиц, о которых имелись определенные указания, именно Марии Федоровны Романовой, бывшей императрицы, генерала Николая Николаевича Романова, его жены Анастасии Николаевны, Петра Николаевича, Александра Михайловича, Ксении Александровны Романовых, Ольги Александровны Куликовской, ротмистра Куликовского, Сергея Георгиевича Романовского, генерала Орлова, Фогель⁸², Орбелиани⁸³, Генинген Гюне⁸⁴, Попова⁸⁵, Штакельберг, Розен, Ностиц. Для соблюдения тайны, внезапности обыска предупреждено было только очень ограниченное число лиц. Телефонные, телеграфные станции заняты войсками. Члены следственной Комиссии, войска и моряки прибыли на двух крейсерах «Король Карл» и «Дакия» ночью и немедленно приступили к делу. Все обыски произведены одновременно на рассвете. Производство обысков поручено членам Севастопольского комитета,

почти в каждую партию входили рабочий, офицер, солдат, матрос, агент контрразведки, опытный в деле обыска, члены профессионального женского союза приглашены для обыска у дам. В каждой партии ответственный руководитель, снабженный письменными полномочиями. Обыск был произведен на рассвете одновременно 26 апреля, длился до 3–4 часов дня. Сделана выемка большого числа бумаг, корреспонденции, переданной для разбора в Следственную комиссию Центрального комитета. Ввиду того, что во время обыска не было получено никаких прямых указаний на контрреволюционную организацию, ни к кому из поименованных лиц меры пресечения ареста применено не было. Для контроля въездов-выездов имений бывшей царской семьи Чаир, Дюльбер, Ай-Тодор установлена военная охрана особыми командами, которые прекратят всякий доступ военнослужащих с фронта. О смене коменданта, сосредоточении членов бывшей царской семьи в одном районе, реквизиции автомобилей, изъятии военнопленных из имений и других принимаемых мерах будет сообщено подробным докладом.

Подполковник *Верховский*, председатель Севастопольского центрального комитета *Сафонов*, комиссар Ялты *Приселков*⁸⁶.

Согласно воспоминаниям Ф. Юсупова, после обыска в Ай-Тодоре осталось 25 солдат и матросов охраны. Графиня Менгден сообщала, что сразу после обыска была оставлена охрана в составе примерно 12 человек во главе с прапорщиком В. М. Жоржوليани⁸⁷.

Роман Петрович упоминает, что специализированная охрана была поставлена во все имения, где проживали Романовы, управлялась она из единого центра: «Через два дня к нам прибыл “особый отряд”, откомандированный Временным правительством. Он состоял из нижних чинов Севастопольского гарнизона и находился под командованием грузинского офицера. У въездов во все три имения была выставлена охрана, а парки и сады патрулировали солдаты. Внизу на пляже установили наблюдательные посты. Дом, в котором раньше жили наш садовник и смотритель парка Дюльбер, теперь служил казармой для солдат этого специального подразделения»⁸⁸.

Через несколько дней после обысков на двух делегатских собраниях Севастопольского Совета (29 апреля и 2 мая 1917 г.) заслушиваются доклады об обысках в Ялте. В протоколе от 29 апреля говорится: «Слушали доклад товарища Сафонова о поездке в Ялту»⁸⁹. Первым пунктом повестки собрания, состоявшегося 2 мая, являются «доклады руководителей обысками в Ялте»⁹⁰. Тексты самих докладов в архивах не сохранились. Но из документов совершенно очевидно, что значительно больший интерес у публики на заседании 2 мая вызывает приезд и выступление сына лейтенанта П. П. Шмидта — Е. П. Шмидта. Севастополь готовится к торжественному перезахоронению героя Революции 1905 г.

Обыск Романовых в Крыму стал первым и единственным, который позволили себе представители новой власти на полуострове. Но с этого момента Севастопольский Совет при помощи «специального» отряда все время контролировал бывших императорских родственников. Под домашним арестом, который в зависимости от ситуации в стране то ужесточался, то ослаблялся, Романовы прожили до весны 1918 г., до прихода в Крым немцев и ухода красных. В эмиграцию они отправятся еще через год — в апреле 1919-го.

- ¹ Российский императорский дом — представители правящей династии в России, права и обязанности которых до революции 1917 г. определялись «Учреждением о императорской фамилии» 1886 г.
- ² Крымский вестник. 1917. 19 марта (№ 71).
- ³ Воспоминания графини Зинаиды Менгден, переданные в разговорах / пер. с дат. А. Комиссарова; ред.-сост., Т. Кудрявцева. Копенгаген, 2014. С. 159.
- ⁴ Куликовский Николай Александрович (1881–1958) — с 1906 г. адъютант первого мужа великой княгини Ольги Александровны герцога Петра Александровича Ольденбургского. Женится на Ольге Александровне в ноябре 1916 г. после разрешения Николая II.
- ⁵ *Белякова З. И.* Романовы. Как это было. СПб., 1998. С. 101.
- ⁶ *Ульstrup П.* Пребывание Романовых в Крыму в первые послереволюционные годы // Романовы. Воспоминания о Крыме: [материалы к выставке, 4 марта — 3 июля 2022 г.] / Государственный музей-заповедник «Царицыно»; авт.-сост. О. И. Барковец. М.; СПб., 2022. С. 360.
- ⁷ Государственный архив Республики Крым. Ф. 532. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
- ⁸ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII: Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1: Март — апрель 1917 г. М., 2001. С. 315.
- ⁹ Наморси — начальник морских сил.
- ¹⁰ На самом деле, Верховский был товарищем председателя Севастопольского Совета.
- ¹¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГАВМФ). Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 2–3.
- ¹² РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 12. Л. 54; Д. 16. Л. 25.
- ¹³ *Верховский А. И.* На переломе жизни (Воспоминания 1905 года) // Былое. 1924. № 27–28. С. 141–169.
- ¹⁴ Подробнее об А. И. Верховском см.: *Полтораки С. Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. СПб., 2014.
- ¹⁵ *Ратковский И. С.* Гражданская война в России: охота на большевистских вождей (1917–1920). М., 2021. С. 197.
- ¹⁶ *Сафронов Ю. И.* Дневник Верховского. М., 2014. С. 403.
- ¹⁷ Там же. С. 460.
- ¹⁸ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. М., 2019. С. 245.
- ¹⁹ Там же. С. 246.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1514. Л. 86 об.
- ²² Сафонов Константин Васильевич (1886–1975) — старший унтер-офицер, с 17 мая 1917 г. прапорщик, эсер; военный летчик, прикомандированный к 35-му авиационному отряду Севастопольской военно-авиационной школы. Многократно избирался на высокие посты в Севастопольском Совете, в сентябре 1917 г. стал помощником генерального комиссара Черноморского флота. Участник Гражданской войны на стороне белых. Эмигрировал во Францию.
- ²³ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1514. Л. 109 об.
- ²⁴ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.
- ²⁵ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. С. 247.
- ²⁶ Det var et rigt hus, et lykkeligt hus: Erindringer af Roman Romanoff, prins af Rusland, 1896–1919 / På dansk ved Wera Friis Kelstrup. [København], 1991.
- ²⁷ *Romanow R., Prinz.* Am Hof des letzten Zaren: 1896–1919. München; Zürich, 1997.
- ²⁸ *Кудрина Ю. В.* Мария Федоровна. М., 2009 (ЖЗЛ).
- ²⁹ РГАВМФ. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1514. Л. 105.
- ³⁰ Там же. Л. 109 об.
- ³¹ Там же. Л. 109 об. — 110.
- ³² РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 55.
- ³³ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1514. Л. 115.
- ³⁴ Допрос Колчака. Ленинград, 1925.
- ³⁵ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 13. Л. 96.
- ³⁶ Там же. Ф. 609. Оп. 1. Д. 1514.

- ³⁷ Там же. Р-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 67.
- ³⁸ *Верховский А. И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 247.
- ³⁹ *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2019. С. 289.
- ⁴⁰ Конторович (Канторович) Николай (Наум) Лазаревич (1877–1921) — врач, социал-демократ (позже — меньшевик), активный участник Севастопольского восстания 1905 г., был осужден на вечную каторгу и находился в заключении в Шлиссельбургской тюрьме. После Февральской революции был освобожден и приехал в Севастополь.
- ⁴¹ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 16.
- ⁴² Р. Р. Левговд на момент обысков являлся председателем военно-следственной комиссии Севастопольского Совета (см.: РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 16). Левговд Роман Романович (1887–1938) — лейтенант, принял активное участие в организации первых органов революционной власти в Севастополе. В 1918–1919 гг. находился в плену у белых. Во время ареста написал воспоминания о Черноморском флоте, в которых не отразилось его участие в обысках в царских имениях в 1917 г. В 1938 г. репрессирован и расстрелян. Подробнее см.: *Павленко А. П.* Роман Романович Левговд — офицер революционного Черноморского флота // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8. № 4. С. 898–911.
- ⁴³ Евгений Васильевич Ромушкевич (1890–1974) после революции воевал на стороне белых, эмигрировал из Крыма в 1920 г. Умер в Марселе.
- ⁴⁴ Жоржолитани Василий Максимович (1885–?) — сын чиновника Кутаисской губернии, гуриец, окончил Потийские мореходные классы. На флоте с 1905 г. В 1917 г. — прапорщик. 28 января 1918 г. уволен с действительной военно-морской службы для службы на судах торгового флота.
- ⁴⁵ По-видимому, речь идет о Никите Сапронове — солдате, большевике, брате матроса Савелия Сапронова, главы первой фракции большевиков в Севастополе. Подробнее см.: *Соколов Д. В.* Через разложение — к власти: деятельность большевистских партийных организаций в Крыму в межреволюционный период (март — октябрь 1917 г.) // *Первая мировая война и Крым: сб. ст. / под ред. А. В. Мальгина.* Симферополь, 2016.
- ⁴⁶ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. С. 247.
- ⁴⁷ Ностиц Григорий Иванович (1862–1926), граф, — генерал-майор, имел недвижимость в Ялте, перешедшую к нему от отца, И. Г. Ностица.
- ⁴⁸ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 12.
- ⁴⁹ *Врангель П. Н.* Записки (ноябрь 1916 г. — 1920 г.) // *Белое дело: летопись белой борьбы.* Берлин, 1928. С. 26.
- ⁵⁰ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 5–8.
- ⁵¹ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. С. 251.
- ⁵² Правильно: Стефан. Тышкевич Стефан Евгеньевич (1894–1976), граф, — инженер и изобретатель, адъютант великого князя Николаевича с конца 1916 г. и до Февральской революции. В июле 1917 г. в Крыму вступил в брак с Еленой Георгиевной, герцогиней Лейхтенбергской. В черновой записке об обыске о Тышкевиче указано: «Больной аппендицитом, возвращающийся после операции в строй» (РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 8).
- ⁵³ Там же. Л. 15.
- ⁵⁴ Там же. Л. 13.
- ⁵⁵ Орлов Николай Владимирович (1896–1961), князь, — выпускник Александровского лицея, с 1919 по 1940 г. с женой, княжной императорской крови Надеждой Петровной, проживал во Франции. После развода уехал в США. Работал переводчиком в ООН, в частности сопровождал Н. С. Хрущева в поездке по Америке.
- ⁵⁶ Орлов Владимир Николаевич, князь, — с 1906 по 1915 г. начальник Военно-походной канцелярии императора Николая II, уволен из-за неприязни к Г. Распутину. В 1915–1917 гг. — помощник наместника на Кавказе, великого князя Николая Николаевича, по гражданской части.
- ⁵⁷ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁵⁸ Болдырев Артемий Константинович (1863–1930) — камер-юнкер, статский советник, секретарь великой княгини Анастасии Николаевны.

- ⁵⁹ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.
- ⁶⁰ *Romanow R., Prinz.* Am Hof des letzten Zaren. S. 414.
- ⁶¹ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. С. 251.
- ⁶² *Romanow R., Prinz.* Am Hof des letzten Zaren. S. 412.
- ⁶³ РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 14–14 об.
- ⁶⁴ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы) / сост., рук. пер. коллектива и науч. ред. Ю. В. Кудрина. М., 2006. С. 178–179.
- ⁶⁵ См. письма Марии Федоровны: к королеве Греции Ольге Константиновне. Ай-Тодор. 4 мая 1917 г. На датском языке (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 686. Оп. 1. Д. 84. Л. 51–54 об.); к брату принцу Вальдемару Датскому. 4 мая 1917 г. На датском языке (Там же. Ф. 642. Оп. 1. Д. 615. Л. 1–8).
- ⁶⁶ *Ульstrup П.* Пребывание Романовых в Крыму в первые послереволюционные годы. С. 363.
- ⁶⁷ Дневники императрицы Марии Федоровны... С. 178–179.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. С. 252.
- ⁷² *Яцик Т. К.* Рядом с императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб., 2011. С. 74–75.
- ⁷³ Там же. С. 76.
- ⁷⁴ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. С. 252.
- ⁷⁵ *Романов А. М., великий князь.* Книга воспоминаний / предисл. и комм. А. Виноградова. М., 1991. С. 238–239.
- ⁷⁶ *Юсупов Ф., князь.* Мемуары: в 2 кн. / первый полный пер. с франц. Е. Кассировой. М., 2022. С. 233.
- ⁷⁷ *Ульstrup П.* Пребывание Романовых в Крыму в первые послереволюционные годы. С. 367.
- ⁷⁸ Дневники императрицы Марии Федоровны... С. 190.
- ⁷⁹ Воспоминания графини Зинаиды Менгден, переданные в разговорах. С. 162–163.
- ⁸⁰ *Верховский А. И.* На трудном перевале. Записки военного министра. С. 252.
- ⁸¹ Г. Приселков — комиссар Временного правительства по Ялтинскому градоначальству, правый эсер, упоминается в книге: *Пасманик С. Д.* Революционные годы в Крыму. Париж, 1926.
- ⁸² Фогель Николай Федорович (1974–1943) — генерал-майор флота, адъютант великого князя Александра Михайловича, во время обысков проживал в Ай-Тодоре.
- ⁸³ Джамбакуриан-Орбелиани Дмитрий Иванович (1876–1922) — адъютант великого князя Александра Михайловича, во время обысков проживал в Кореизе.
- ⁸⁴ Возможно, речь идет о Гойнинген-Гюне Федоре Федоровиче (1859–1942) — бароне, шталмейстере, действительном статском советнике, состоявшем для особых поручений по придворной Конюшенной части. Служил в лейб-гвардии Кавалергардском полку. Известно, что его сын, Георгий Федорович, до революции учился в ялтинской гимназии.
- ⁸⁵ Попов Павел Васильевич (1869–1943) — ялтинский уездный предводитель дворянства (1900–1917), камергер, действительный статский советник.
- ⁸⁶ Черновик телеграммы // РГАВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.
- ⁸⁷ Воспоминания графини Зинаиды Менгден, переданные в разговорах. С. 164.
- ⁸⁸ *Romanow R., Prinz.* Am Hof des letzten Zaren. S. 414.
- ⁸⁹ РГАВМФ. Р-181. Оп. 1. Д. 15. Л. 143.
- ⁹⁰ Там же. Д. 13. Л. 74 об.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2022 г.

Рекомендована к печати 29 декабря 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Карушкина Н. В. Обыски у бывших членов Императорского дома в Крыму в апреле 1917 г. // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 2. С. 305–321.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.203>

Аннотация: К концу марта 1917 г. двадцать из шестидесяти пяти членов Императорского дома Романовых собрались в Крыму, в великокняжеских имениях Ай-Тодор, Дюльбер и Чаир близ Ялты. Среди них — вдова Александра III Мария Федоровна, сестры Николая II Ксения и Ольга, великие князья Николай Николаевич, Александр Михайлович, Петр Николаевич. 26 апреля 1917 г. представители Севастопольского Совета при поддержке сил Черноморского флота устроили обыски в названных имениях с целью выявления возможного контрреволюционного заговора. В статье реконструируются обстоятельства этих обысков с привлечением опубликованных источников, а также ранее не использовавшихся материалов Российского государственного архива Военно-Морского Флота, включая протоколы осмотров. Восстанавливаются имена основных участников событий, описывается ключевая роль подполковника А. И. Верховского, который на момент организации экспедиции являлся товарищем председателя Севастопольского Совета. В конце августа 1917 г. Верховский (недооцененный до сих пор участник революционных событий в России между Февралем и Октябрем) станет последним военным министром Российской империи уже в чине генерал-майора. Обыск в южнобережных имениях завершился тем, что Севастопольский Совет взял на себя охрану «крымской группы Романовых». В дальнейшем, несмотря на то, что красный террор не обошел стороной Крымский полуостров, севастопольские моряки и представители местных Советов помогут сохранить жизни родственникам бывшего царя, оказавшимся в Крыму до вынужденной эмиграции из России в 1919 г.

Ключевые слова: Крым, Февральская революция, Российский Императорский дом, Романовы, Мария Федоровна, великий князь Николай Николаевич, обыски, Севастополь, Совет.

Сведения об авторе: Карушкина Н. В. — независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия); natakarushkina@yandex.ru

Карушкина Н. В., Россия, 199155, Санкт-Петербург, Морская наб., 37

FOR CITATION

Karushkina N.V. 'Searches of Former Members of the Romanov Imperial House in Crimea in April 1917', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 2, 2023, pp. 305–321.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.203> (In Russian)

Abstract: By the end of March 1917, 20 out of 65 members of the Romanov Imperial House gathered on the estates Ai-Todor, Diul'ber, and Chair near Yalta in the Crimea. There were among them: a widow of Alexander III Maria Fedorovna; sisters of Nicholas II Xenia and Olga; Grand Dukes Nicholas Nikolaevich, Alexander Mikhailovich, Peter Nikolaevich. On April 26, 1917, representatives of the Sevastopol Soviet, with the support of the forces of the Black Sea Fleet, conducted massive searches in the places of residence of the relatives of the former tsar in order to identify a possible counter-revolutionary conspiracy. On the basis of the published sources, as well as previously unused materials from the Russian State Archive of the Navy, including inspection protocols, the article reconstructs the circumstances of this only search of the Romanovs in the Crimea. The names of the main participants in the events are restored, the key role of Lieutenant Colonel A. I. Verkhovsky is described, who at that time was a deputy chairman of the Sevastopol Soviet. A. I. Verkhovsky has been underestimated until now as a participant in the revolutionary events in Russia between the February and October revolutions. At the end of August 1917, he became the last Minister of War of the Russian Empire in the rank of Major General. The search in estates on the southern coast ended with the Sevastopol City Council taking charge of the protection of the "Crimean group of the Romanovs". Afterwards, despite the fact that the Red Terror did not bypass the Crimean peninsula, Sevastopol sailors and representatives of local Councils helped save the lives of the relatives of the former tsar who ended up in the Crimea. All of them emigrated in 1919.

Keywords: Crimea, the February Revolution, Russian Imperial House, Romanovs, Maria Feodorovna, Grand Duke Nicholas Nikolaevich, searches, Sevastopol, Council.

Author: Karushkina N. V. — Independent Researcher (St. Petersburg, Russia); natakakarushkina@yandex.ru

Karushkina N. V., 37, Morskaya nab., St. Petersburg, 199155, Russia

References:

Beliakova Z. I. *Romanovs. How it was* (St Petersburg, 1998). (In Russian)

Det var et rigt hus, et lykkeligt hus: Erindringer af Roman Romanoff, prince af Rusland, 1896–1919 (Gyldendal, 1991).

Diaries of Empress Maria Feodorovna (1914–1920, 1923), comp. and ed. Yu. V. Kudrina (Moscow, 2006). (In Russian)

Kalinin N. N., Zemlianichenko M. A. *Romanovs and Crimea. “We all have a longing for the Crimea...”* (Simferopol, 2019). (In Russian)

Kudrina Yu. V. *Maria Fedorovna* (Moscow, 2009). (In Russian)

Memoirs of Countess Zinaida Mengden, transmitted in conversations (Copenhagen, 2014). (In Russian)

Romanow Roman, Prinz. *Am Hof des letzten Zaren: 1896–1919* (München, Zürich, 1997).

Yusupov Felix, Prince. *Memoirs* (Moscow, 2022). (In Russian)

Ratkovsky I. S. *Civil War in Russia: Hunt for Bolshevik Leaders (1917–1920)* (Moscow, 2021). (In Russian)

Safronov Yu. I. *Verkhovsky's Diary* (Moscow, 2014). (In Russian)

Ulstrup P. 'The Romanovs' living in the Crimea in the first post-revolutionary years' in *Romanovy. Vospominaniia o Kryme* (Moscow, 2022). (In Russian)

Grand Duke Alexander Mikhailovich. *A book of memoirs*, introd. and comm. A. Vinogradov (Moscow, 1991). (In Russian)

Verkhovsky A. I. 'At the turning point of life (Memoirs of 1905)', *Byloe*, no. 27–28, 1924. (In Russian)

Verkhovsky A. I. *On a difficult pass. Notes of the Minister of War* (Moscow, 2019). (In Russian)

Wrangel P. N. 'Notes (November 1916 — 1920)' in *Beloe delo: Letopis' beloi bor'by* (Berlin, 1928). (In Russian)

Yashchik T. K. *Next to Empress. Memoirs of Leib-cossack* (St Petersburg, 2011). (In Russian)

Received: October 10, 2022

Accepted: December 29, 2022